

Глава 31. Деревенские пустыки. Последствия и важный разговор

—

— Дождь стих! Дождь стих!

Этот радостный крик разбудил многих в деревне Линшуй. Однако никто не ругался из-за прерванного сна — в сердцах людей была лишь общая для всех радость и облегчение.

Линь Юэ мгновенно сел на кровати, набросил одежду и выскочил во двор. И впрямь: шел лишь редкий, едва заметный дождик. Даже в ночной темени было видно, что плотные тучи на горизонте начали рассеиваться. По всему было ясно — скоро небо прояснится.

Линь Юэ тяжело выдохнул; камень, давивший на сердце, наконец-то сдвинулся. К счастью, дождь почти закончился.

Не только Линь Юэ, но и супруги Шэнь поспешно вышли из своих комнат. Глядя на затихающий дождь, Сун Сюньчунь вдруг расплакалась и зашептала:

— Небеса смиростивились... Небеса смиростивились.

Линь Юэ поспешил поддержать свекровь под руку, боясь, как бы она не оступилась и не упала от избытка чувств.

— Матушка, ну же, не плачьте! То, что дождь кончается — это же хорошо.

Сун Сюньчунь утерла слезы и улыбнулась:

— Ты прав. Нужно радоваться.

Хоть дождь и ослаб, капли всё еще мочили одежду. Шэнь Чжэнчу произнес:

— Наконец-то можно спокойно отдохнуть. Юэ-гер, иди в комнату. Завтра нам предстоит много дел.

Линь Юэ кивнул:

— Хорошо, отец. Матушка, вы тоже идите ложитесь.

После такого ливня с крыш сдуло немало соломы, нужно было как можно скорее всё поправить, пока снова не закапало. К тому же следовало осмотреть посевы в поле, чтобы успокоить душу.

Утром, едва забрезжил рассвет, Линь Юэ был уже на ногах. Сун Сюньчунь возилась на кухне с завтраком. Увидев его, она скомандовала:

— Бери палочки и миски, будем есть. Сразу после завтрака мы с отцом уйдем в поле, а вы с Линчжи идите накошите побольше сухой травы (маоцао). После полудня займемся починкой крыши.

Линь Юэ забеспокоился:

— Матушка, будьте осторожнее в поле. Боюсь, дороги сильно размыло.

— Не волнуйся, мы будем смотреть в оба, — успокоила его Сун Сюньчунь.

Во двор вошел Шэнь Чжэнчу с мотыгой на плече. Его брови были плотно сдвинуты:

— Сейчас выходил — на дорогах полно ила и грязи. Особенно у подножия горы, там почти не пройти. Староста велел: от каждой семьи выделить по одному человеку на расчистку.

Сун Сюньчунь невольно глянула за ворота:

— Только дорогу завалило?

Шэнь Чжэнчу вздохнул:

— Поля у реки затоплены, там сплошная жижа. А за деревней у Лао Ли кухня рухнула. Остальные — как мы: у всех течет. Только те немногие счастливчики, у кого дома черепицей крыты, остались сухими.

Сун Сюньчунь на мгновение замолчала, а затем медленно произнесла:

— Будем смотреть на хорошее: главное, люди живы. А кухню можно и заново отстроить. Мы с Лао Ли дружим, как со своими делами управимся, пойдешь поможешь ему. Позже ступай помогать деревне на дорогу, я одна в поле справлюсь.

— Хорошо, как скажешь. Давай завтракать.

Пока семья ела, вернулся Шэнь Хуайчжи.

Линь Юэ первым вскочил ему навстречу и засыпал вопросами:

— Как ты в такое время? Весь в грязи! Иди скорее в дом, умойся. Мои отец с матерью в порядке? Как там дома?

Шэнь Хуайчжи положил руку на плечо Линь Юэ и тихо ответил:

— Родители и брат здоровы, дома всё хорошо. Крыша текла совсем немного, сегодня утром мы её уже подлатали. Потом я зашел в школу, учитель дал задания и отпустил нас по домам. Завтра снова на учебу.

Оказалось, что вчера из-за разгула стихии до школы добрались только двое: Шэнь Хуайчжи и внук учителя Гао. Остальные ученики оказались заперты в своих домах. Поэтому старый сюцай дал им еще один выходной.

Линь Юэ внимательно осмотрел мужа: штанины закатаны, ноги по щиколотку в толстом слое грязи, даже на лице и руках виднелись темные крапинки. Вид у него был весьма плачевный. Линь Юэ перестал расспрашивать и поторопил его:

— Разувайся под навесом, я сейчас принесу горячей воды умыться. А твой короб с книгами я сам в комнату отнесу.

Шэнь Хуайчжи глянул на свои ноги и, не дожидаясь навеса, скинул обувь, пройдя до дома босиком.

Шэнь Линчжи вышел из кухни следом за Линь Юэ с полотенцем в руках:

— Брат, вытрись скорее, а то простудишься. Завтрак еще теплый, ждет тебя.

Хуайчжи взял полотенце:

— Вы ешьте, я уже позавтракал перед уходом. Как отец с матерью?

— Всё хорошо, сейчас за столом, — ответил Линчжи.

Пока Хуайчжи умывался, Линь Юэ рассказал ему о делах в деревне, и после этого Шэнь Хуайчжи вместе с Шэнь Чжэнчу отправился в поле.

Этот ливень заставил крестьян, едва закончивших летнюю жатву, снова трудиться в поте лица. Посевы кукурузы и гречихи полегли почти на девяносто процентов. На крутых склонах потоки воды смыли слой почвы, забив дренажные канавы. Все семьи теперь пропадали в поле: выгребали землю из канав, поднимали стебли растений и укрепляли их корни.

По сравнению с полями на склонах, рисовые чеки вызывали меньше тревоги — канавы там широкие, а поля вдали от русла реки пострадали минимально. Лишь участки у самого берега занесло илом. К счастью, из всех земель семьи Шэнь у реки находился только один участок прямо перед домом, и он пострадал не сильно.

Поля полями, но укрепление жилья было делом безотлагательным. Линь Юэ и Шэнь Линчжи весь день косили солому. Им пришлось обойти несколько мест; один раз они даже увидели, как люди ругались из-за охапки травы. Дело едва не дошло до драки, и братья, не рискнув вмешиваться, молча обошли их стороной.

Беда не приходит одна: за день в деревне вспыхнуло три или четыре ссоры. Особенно яростно спорили те, кто отвечал за расчистку дорог. Староста Шэнь Гуанчу обычно пользовался авторитетом, но сейчас и его голос не имел силы.

Договорились, что от каждого дома выйдет по человеку, но в итоге пришло едва ли десять душ. Остальные отнекивались, мол, надо свои дела разгрести. Те, кто жил у въезда в деревню, где дорога была чистой, наотрез отказались помогать расчищать путь в дальнем конце деревни. Глядя на них, взбунтовались и те, кто пришел.

— Староста, это несправедливо! Вы позвали нас чинить дорогу — мы пришли. Но те, кто не явился, не должны просто так отделаться! Дорога не чья-то личная, по ней все ходят. Если все не соберутся — мы работать не будем!

Шэнь Гуанчу так сильно волновался, что на уголках его рта появились волдыри, и ему очень хотелось просто всё бросить.

Сун Сюньчунь, не привыкшая скандалить, молча слушала перепалки. В середине дня она забежала домой и наказала детям:

— Вы сегодня поодиночке не ходите и ни с кем в споры не вступайте. Чувствую, одними криками дело не кончится, наверняка кулаки в ход пойдут.

Линь Юэ, вспомнив утренних спорщиков, со страхом кивнул и добавил:

— Матушка, вы тоже будьте осторожнее. Как дома закончим, придем вас сменить.

Шэнь Линчжи неистово закивал рядом — он очень переживал за мать, которая совсем не

умела ругаться.

Но Сун Сюньчунь проявила неожиданную твердость:

— Не вздумайте приходить. Вы еще молоды, лица у вас нежные. Найдутся те, кто, пользуясь возрастом, свалит свою работу на вас, и вы ничего не сможете возразить.

Пока они говорили, крики на дороге стали еще громче. Сун Сюньчунь, не медля больше, поспешила обратно.

Линь Юэ посмотрел на брата и предложил:

— Давай сначала заглянем к бабушке, а потом уже пойдем косить.

Шэнь Линчжи просиял:

— Брат, я как раз хотел об этом попросить! Мы и впрямь чувствуем друг друга.

Линь Юэ улыбнулся:

— Тогда идем скорее.

В доме старшего дяди Шэня они застали бабушку Лю — она подметала двор и выглядела довольно бодрой.

— Бабушка, вы как? Мы пришли навестить вас, — поздоровался Линь Юэ.

Глаза старушки превратились в узкие щелочки от улыбки:

— Всё хорошо, детки. Идите, занимайтесь своими делами.

Линь Юэ и Линчжи не стали заходить в дом; они немного поговорили с бабушкой во дворе, еще раз наказали ей сразу сообщать, если что понадобится, и, взвалив на спины корзины, отправились за травой.

На следующий день Шэнь Хуайчжи ушел очень рано. Вчера он трудился до глубокой ночи, и когда вставал, в голове еще стоял туман. Остальные домочадцы еще спали.

Без такой рабочей силы, как Хуайчжи, Шэнь Чжэнчу пришлось несладко. В итоге укреплять крышу пришлось Линь Юэ и Шэнь Линчжи.

Оба делали это впервые. Когда Линь Юэ забрался на крышу, его ноги задрожали. Но глядя на Шэнь Линчжи, который и вовсе боялся лезть наверх и лишь поддерживал лестницу снизу, подавая траву, Юэ стиснул зубы и начал работу.

За всё утро они едва успели подлатать спальню Линь Юэ и Шэнь Хуайчжи. За обедом они с интересом слушали ворох сплетен, которые увлеченно пересказывала Сун Сюньчунь: тут и соседи, ругающие друг друга на чем свет стоит, и братья, едва не сошедшиеся в рукопашной, и дерзкий юнец, язвивший старосте и старейшинам, и даже невестка, доведшая свекровь до обморока. Там было на что посмотреть.

Лишь спустя несколько дней напряженного труда последствия ливня были в основном устранены. Оставалась только дорога, которая так и стояла заваленной.

Впрочем, молодых вроде Линь Юэ это уже не касалось. Даже Сун Сюньчунь больше не ходила на сходы, так как на этот раз староста потребовал присутствия только мужчин от каждого дома, надеясь закончить работу за день. Он даже пригрозил: кто не придет — того в деревне больше за своего считать не будут.

В те времена власть старосты и старейшин была велика, поэтому сельчане не посмели больше отнекиваться. Каждая семья выделила по мужчине на расчистку пути.

Дело близилось к сумеркам, небо окрасилось ярким заревом заката. Линь Юэ отложил дела и пошел готовить ужин, лишь изредка поглядывая на свежие латки на крыше — он всё еще подсознательно ждал, что оттуда вот-вот капнет.

Последние пару ночей Линь Юэ спал тревожно: во снах ему чудился нескончаемый ливень, холодная вода, пропитавшая его насквозь. Он просыпался посреди ночи в холодном поту.

За свою семью он тоже переживал. Несмотря на заверения Шэнь Хуайчжи, вчера Линь Юэ сам сходил к родителям. Его мать порывалась всучить ему денег, беспокоясь, хватает ли ему еды и тепла. У Линь Юэ от этого кошки на душе скребли.

Мысли роились в голове, и он на мгновение отвлекся, едва не спалив овощи. Линь Юэ пришлось снять сковороду с огня, прежде чем перекладывать еду в миски.

Глядя на сегодняшний ужин, Линь Юэ окончательно утвердился в своем решении: с делом по заработку денег медлить нельзя. Сейчас работы поубавилось, и если не пойти сейчас, скоро начнется новая волна полевых дел.

Вечером, когда вся семья собралась на кухне за ужином, Линь Юэ хотел было заговорить, но Шэнь Чжэнчу опередил его:

— У меня есть дело, которое нужно обсудить. Наш дом — это перестроенная старая хижина, на стенах полно трещин, да и крыша течет при каждом дожде. Я думаю, не купить ли нам черепицы, чтобы перекрыть крышу, а то и вовсе снести всё и построить новый дом.

Постройка дома — дело не из легких. Даже на мазанку под соломой нужно три лян серебра. Если же строить каменный дом под черепицей такого же размера, как их нынешний, то только на саму черепицу (без учета кухни) уйдет около двадцати лян. А со всеми материалами и оплатой рабочих — не меньше сорока лян.

Сун Сюньчунь мгновенно нахмурилась:

— Ни в коем случае! У нас столько денег и на черепицу не хватит. К тому же Хуайчжи нужно ехать на экзамен в уезд. Как говорится, «дома бедствуй, в путь бери с избытком» — ему с собой нужно дать не меньше шести-семи лян. Откуда нам взять на дом?

— И это еще не всё, — продолжала она. — Линчжи скоро замуж выдавать, приданое нужно готовить не позже следующего года. Если мы сейчас всё выгребем, как быть потом?

— А если у Юэ-гера и Хуайчжи ребенок появится? Расходы на детей еще больше.

Шэнь Чжэнчу, получив такой отпор, поспешил оправдаться:

— Да ты не кипятись так. Я же не говорю строить прямо в этом году. Закончим в поле — я пойду в город поищу работу. Будем копить понемногу: заработаем — купим пару десятков

черепиц, заменим. Глядишь, за несколько лет всю крышу и обновим.

Только тогда Сун Сюньчунь успокоилась:

— Ну, тогда в этом году разведем побольше кур и уток. Поднапряжемся и купим двух поросят — к следующему году продадим, тоже монета будет. Я еще в лавку тканей схожу, спрошу, не нужны ли им вышивальщицы, или буду просто платки на продажу шить.

Шэнь Чжэнчу кивнул и серьезно посмотрел на сына:

— Хуайчжи, ты учись прилежно. О деньгах не думай, это наша с матерью забота.

Шэнь Хуайчжи был не из тех, кто сидит сложа руки — он и так каждый год переписывал книги и писал письма, но при этом не забывая о поле. Он уже открыл рот, чтобы возразить, но Линь Юэ мягко накрыл его руку своей.

Линь Юэ весь так и горел желанием высказаться — настал его звездный час! Раньше он немного опасался, что они не одобряют его желания «показываться на людях» в торговле, но теперь сомнения отпали.

Линь Юэ откашлялся и твердо произнес:

— Отец, матушка, мне тоже нужно кое-что с вами обсудить. Сейчас в поле работы мало, и я хочу пойти в город продавать кое-какую еду. Так я тоже смогу подзаработать. Будет подспорье и для дома, и для учебы Хуайчжи.

Шэнь Чжэнчу отказал, даже не задумываясь:

— Юэ-гер, наша семья живет небогато, но не до такой степени, чтобы фулан сына шел торговать. На учебу Хуайчжи мы наскребем, да и он сам зарабатывает. Если наступит день, когда его придется содержать фулану, — пусть лучше возвращается домой и берется за мотыгу.

—

<http://bllate.org/book/17206/1615832>